

Чу Хэн осознал, что не может пошевелиться, как раз в тот момент, когда Хуайцзяо вошёл в комнату.

Он, должно быть, уже был готов к этому. За три ночи он и его товарищи по команде «волков» уже трижды нападали.

Чу Хэн даже намекал Хуайцзяо о своих «догадках» насчёт ночи.

Выбранный игрок осознаёт происходящее, но не может двигаться.

Он лучше всех знал правила игры, но, увидев того, кто стоял в дверях, Чу Хэн не смог сдержаться – его первым порывом было подняться.

Но реальность оказалась иной: он остался лежать, не в силах пошевелить даже пальцем.

Он мог только широко раскрыть глаза, наблюдая, как человек в нескольких шагах от него легко входит в комнату, упирается спиной в дверь и аккуратно закрывает её.

В комнате было светло, поэтому Хуайцзяо, подняв взгляд, сразу встретился глазами с Чу Хэном, лежащим на кровати.

[Оказывается, у него и правда кудрявые волосы...] – Хуайцзяо слегка округлил глаза, обращаясь к 8701.

8701 рассмеялся.

По дороге сюда сердце Хуайцзяо бешено колотилось, хотя он только что из-за расслабленности проспал.

Часы в комнате показывали 00:50. Хуайцзяо разбудил 8701, и он в панике за две-три минуты натянул на себя сложный костюм ведьмы.

Лишь в последний момент, надевая обувь, он снова заколебался.

В итоге он снова просто натянул носки и поспешно выбежал за дверь.

...

Юбка была слишком короткой. Хуайцзяо, кутаясь в плащ, не мог понять, зачем он вообще включил свет, но теперь выключать его было уже странно. Он быстро подошёл и сел на край кровати Чу Хэна, чтобы тот не заметил.

Он думал, что ему нечего сказать Чу Хэну – в конце концов, их отношения можно было назвать лишь взаимовыгодным сотрудничеством.

Хуайцзяо хорошо знал себе цену – как в игре, так и в реальности.

Как говорил Чу Хэн, он мог из-за слабости и недалёкости легко отдавать себя, но никогда никому не доверял по-настоящему.

Он не был мастером в «Мафии», но у него были базовые знания и изрядная доля осторожности.

– С какого момента ты начал подозревать меня?

Этот вопрос был глупым, но для Хуайцзяо он казался уместным.

Чу Хэн считал себя отличным актёром, но не ожидал, что Хуайцзяо окажется исключением. Хотя, возможно, он и сам подсознательно давал ему поблажки.

Эта странная мысль заставила Чу Хэна даже не заметить странный наряд собеседника.

Он лишь слегка учащённо дышал, не отрываясь глядя на Хуайцзяо.

- Со второго дня?

Лицо Хуайцзяо скрывал капюшон. Один лежал, другой сидел - их позиции полностью поменялись, и теперь Хуайцзяо, даже не снимая капюшона, мог видеть лицо Чу Хэна.

Тёмные ресницы слегка опустились, наполовину скрытые тенью капюшона.

Неожиданно Чу Хэн, чувствуя, как бьётся сердце, отвлёкся от темы и подумал, что Хуайцзяо выглядит сегодня особенно красивым.

Розовые губы Хуайцзяо слегка сжались, словно он раздумывал, прежде чем ответить:

- Возможно. Утром, когда я увидел тебя, у меня были лишь подозрения.

Но окончательно убедился он во время дневного обыска комнаты.

Почти откровенные намёки и откровенное наблюдение за реакцией.

Даже странные и очевидные «улики» на кровати не удостоились внятного объяснения.

Хуайцзяо разозлился: Чу Хэн не просто считал его глупым - он обращался с ним, как с идиотом.

Как вообще можно верить, что у кого-то могут быть такие волосы? Даже если это волк, у обычного человека такого быть не может.

Эмоции Хуайцзяо отразились на лице, и Чу Хэн, заметив это, не удержался от улыбки. Хотя обычно он держался иначе, сейчас он вдруг произнёс нечто совершенно неподобающее:

- Из-за волос на кровати?

- Ты не веришь, что это мои...

- Замолчи! - Хуайцзяо покраснел от одного только намёка.

Он не мог поверить, что Чу Хэн, с его холодным выражением, мог произнести такое.

Но Чу Хэн, похоже, не замечал этого. Он лишь смотрел на розовато-бледное лицо Хуайцзяо, сглотнул и, забыв о главном, с странным возбуждением спросил:

- Тебе кажется это странным? Ты никогда не видел других мужчин?

Голова Хуайцзяо гудела.

Он медленно повернулся, не понимая.

Но чем больше он выглядел растерянным, тем сильнее Чу Хэн чувствовал, как кровь приливает к лицу.

- Ты можешь сам расстегнуть мои штаны и посмотреть. Или откинь плащ и покажи, отличаешься ли ты от меня.

Человек, лежащий на кровати, внешне выглядел холодным и сдержанным.

И обычно он таким и был.

Те, кто знал Чу Хэна, или зрители его стримов, могли подтвердить: он славился своей холодностью и даже брезгливостью. Он никогда не говорил ничего непристойного, даже обычные ругательства были ему чужды.

Никто не знал, что он может быть таким.

Глаза Хуайцзяо округлились. Он слегка приоткрыл рот, всё ещё не оправившись от предыдущих слов, как Чу Хэн, пристально глядя на него, произнёс нечто ещё хуже:

- Ты что, правда женщина?

Чу Хэн опустил взгляд, остановив его между ног Хуайцзяо.

Голос его звучал странно, почти возбуждённо:

- ?

Хуайцзяо впервые услышал, как система зацензурила звук - как каплю воды.

[Не слушай], - строго сказал 8701.

...

Ещё до этой ночи Хуайцзяо спрашивал у системы 010, одинаковы ли яд и противоядие ведьмы.

010 ответил уклончиво: они могут быть как одинаковыми, так и разными, главное, чтобы они были частью самой ведьмы.

«Неужели придётся кормить его кровью...» - Хуайцзяо мысленно отбросил аморальный вариант со слюной.

В тот момент 8701, кажется, даже усмехнулся.

На самом деле у Хуайцзяо не было особо негативного впечатления о Чу Хэне. В конце концов, до сегодняшнего вечера, даже если это было притворство, тот относился к нему неплохо.

Но всё изменилось после игры, когда он пришёл в его комнату.

Мужчина перед ним словно стал другим человеком - не тем язвительным и едким, каким был вначале, а настоящим «злодеем» или «плохим парнем» в прямом смысле этого слова.

Хотя 8701 и прикрыл ему уши, Хуайцзяо всё равно смог по губам Чу Хэна понять, что тот сказал. Это не было откровенно оскорбительным, но он точно никогда не слышал, чтобы так говорили мужчине.

Даже Шэнь Чэньюй, который любил подкалывать его, называя «девчонкой» или «сестрёнкой», никогда не опускался до такого.

- Успокойся.

8701, казалось, был ошеломлён его внезапными действиями, и в его голосе прозвучала лёгкая тревога.

Но Хуайцзяо уже не мог остановиться. Он редко злился настолько сильно. Формально результат игры был неплохим, но на протяжении всего экзамена он чувствовал себя не в своей тарелке.

Как он мог не злиться? Как мог не испытывать гнева? Когда все считали его идиотом, когда он хотел победить, но не хватало сил, когда из-за своего высокого статуса «двойного золота» ему приходилось притворяться глупцом, примыкать к Чу Хэну и терпеть насмешки остальных - всё это вызывало в нём ярость.

Он спрашивал Чу Хэна не раз: можно ли ему доверять?

И Чу Хэн совершенно хладнокровно отвечал: «Да, ты можешь мне доверять».

Тот, впрочем, и не врал - он действительно пощадил его. Пророк, выживший три дня, - это ненаучно. Но и «двойное золото», продержавшееся три ночи, - не менее странно.

Хуайцзяо убеждал себя, что это эквивалентный обмен.

Но снисходительная жалость - это не то, что кому-то нравится.

Его пощадили, чтобы он не погиб в игре, но не для того, чтобы выполнить обещание и дать ему победу.

Под слегка ошеломлённым взглядом Чу Хэна Хуайцзяо, собрав плащ, поднялся с кровати. Его сердце бешено колотилось - даже когда его целовали так, что не хватало воздуха, оно не стучало так сильно.

Он твёрдо знал, что собирается совершить нечто ужасное. Очень-очень плохое.

Всё началось, когда плащ распахнулся, и он швырнул снятый белый носок прямо в лицо Чу Хэну.

Тот, кажется, был в шоке.

Он поднял глаза, ошеломлённо глядя на Хуайцзяо.

Похоже, только сейчас он заметил, что надето на Хуайцзяо под плащом.

Белоснежные, стройные ноги, расставленные по обе стороны от его плеч, оставили на кровати две вмятины.

Юбка была короткой - настолько, что, если бы не пышные складки, Чу Хэн мог бы увидеть куда больше, чем положено.

Хуайцзяо пришёл босиком, и коридор не был чистым. Даже аккуратные белые гольфы до щиколотки успели запачкаться.

Когда он согнул ногу и стянул носок, его колени и голени оказались прямо перед глазами Чу Хэна. Тот, кажется, на мгновение ослеп – даже лампа в спальне не могла сравниться с белизной его кожи.

- Ты действительно должен успокоиться.

8701 внутренне содрогнулся и не удержался от ещё одного предупреждения.

На этот раз Хуайцзяо ответил:

- Нет.

Скомканный белый носок беспорядочно упал рядом с лицом Чу Хэна, запутавшись в его чёрных, слегка вьющихся волнах. У него были даже волчьи уши, но у Хуайцзяо не было настроения их разглядывать.

Несмотря на свою брезгливость, в этот момент Чу Хэн даже не сморщился. Напротив, под пристальным взглядом Хуайцзяо его кадык дрогнул.

- Ты...

Но слова застряли в горле, когда Хуайцзяо сделал следующее движение.

Тот, кто стоял почти у него над головой, внезапно поднял ногу и легонько дёрнул его по лицу.

Чу Хэн почувствовал, как что-то слетело с его лица, и его взгляд внезапно прояснился, обнажив бледные, узкие глаза.

Он не сразу понял, что произошло, пока серебряные очки не упали рядом с его лицом.

В отличие от его собственных похабных и грубых слов, действия Хуайцзяо были откровенно унижительными.

Он сбил очки с его лица ногой.

Будь Чу Хэн в нормальном состоянии, он должен был бы разозлиться, прийти в ярость, почувствовать себя оскорблённым и даже схватить Хуайцзяо за шиворот.

Но в реальности, когда тот поднял ногу, Чу Хэн затаил дыхание.

Он словно снова стал семнадцатилетним мальчишкой – его сердце бешено колотилось, зрачки то сужались, то расширялись.

Он не мог вымолвить ни слова.

Чу Хэн пытался сохранить прежнее самообладание. Даже проиграв игру, он не хотел терять лицо, особенно перед Хуайцзяо.

Поэтому он изо всех сил пытался вернуть себе рассудок и задал вопрос, который должен был задать с самого начала.

Хотя ответ он уже знал.

- Почему ты... всё это время... не голосовал против меня?

Вопрос был глупым, и Чу Хэн сам это понимал. Но сейчас это было единственное, что он мог сказать без дрожи в голосе.

Красивый «ведьма» в короткой юбке, который, однако, не выглядел нелепо, слегка удивлённо приоткрыл рот.

Кажется, он тоже был поражён «глупостью» Чу Хэна.

- «Двойное золото» - первая цель для убийства. Если бы ты умер, они бы убили меня.

Чу Хэн чуть не отрёкся от своих прежних оценок Хуайцзяо.

О «недалёкости», «глупости» и «неосознанности».

Теперь это следовало переформулировать:

Хуайцзяо всё ещё глуп, но его единственное преимущество - невероятно точная интуиция и осознание собственной глупости.

- Лучше закрой глаза.

Маленький «ведьма» с лёгким румянцем на щеках любезно посоветовал.

Но Чу Хэн не мог пошевелиться и контролировать себя. Хотя глаза и подчинялись ему, он не мог выполнить даже такую простую команду, как «закрой глаза».

Впервые в жизни он почувствовал, как всё тело охватывает оцепенение - от затылка, уткнувшегося в кровать, до самого позвоночника.

Когда часы у кровати пробили половину второго, раздался лёгкий звонкий звук.

И вместе с ним зрение Чу Хэна помутнело.

Свет в комнате не погас - просто кто-то заслонил ему глаза.

Хуайцзяо по-прежнему стоял над ним, но закрывал ему глаза не рукой.

Чьё-то сердце бешено стучало - в полной тишине было не разобрать, его или Хуайцзяо.

Последнее, что он увидел, - это белоснежную голень, приподнятую перед ним.

И капли влаги, упавшие на его лицо.

Голос системы 010 раздался в особняке:

- Экзамен завершён. Победа за добром.